

УДК 343.85  
ББК 67.515

**Ш.Т. Самедова**  
*доктор философии по праву,  
Бакинский государственный университет,  
г. Баку, Азербайджанская Республика*

## **О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМЫ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЧАСТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ**

Анализ действующего УК Азербайджанской Республики 1999 г. показывает, что в нем имеются серьезные отступления от принципа дифференциации уголовной ответственности и наказания, что существенно сказывается на эффективности соответствующих уголовно-правовых норм и успехах борьбы с преступностью. Непоследовательный характер разграничения уголовной ответственности объясняется несовершенством института классификации преступлений, выступающего одним из инструментов юридической техники, с помощью которого законодатель стремится обеспечить более дифференцированный подход к возложению уголовной ответственности на лиц, совершивших преступления. Хотя уголовное законодательство имеет системный характер, явные противоречия и пробелы в некоторых нормах Общей части УК 1999 г. приводят к рассогласованности системы санкций Особенной части. Кроме этого, неоптимальное определение видов санкций за различные категории преступлений, построение санкций, охватывающих пределы типовых санкций двух и более категорий, применение условного осуждения и назначение наказания ниже минимального предела без учета категории совершенного преступления обуславливают широкое судебное усмотрение. Фактическое превалирование индивидуализации наказания над дифференциацией уголовной ответственности приводит к нарушению принципов уголовного закона и уголовной ответственности. С целью усиления формализации назначения наказания предлагается провести реформу уголовного закона Азербайджанской Республики, основываясь на теории и практике современного уголовного права, а также на положениях зарубежного законодательства.

**Ключевые слова:** Уголовный кодекс Азербайджанской Республики; классификация преступлений; дифференциация уголовной ответственности; построение санкций; формализация назначения наказания.

**Sh.T. Samedova**  
*Doctor of Philosophy and Law,  
Baku State University,  
Baku, Azerbaijan Republic*

## **ON NECESSITY FOR REFORMING OF THE CRIMINAL CODE OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN IN TERMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY DIVERSIFICATION AND SANCTIONS' CONSTRUCTION**

### **Abstract**

Having analysed current Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated 1999, the author concluded that it has some important deviations from criminal responsibility and penalty diversification principle. This has a serious impact on relevant criminal law regulations effectiveness. Incoherent criminal responsibility diversification is caused by imperfections of crime classification system which is one of the legal technique instruments. Crime classification system helps the Legislator to ensure a more differentiated approach to criminal penalty assignment. Considering system nature of criminal legislation, obvious lacks and collisions within regulations of the General part of Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated 1999 lead to the Special Part sanction system disbalance. Moreover, non optimal

penalty assignment for different crimes, widely limited sanctions' construction (those include limits of 2 and more categories' typical sanctions), suspended sentences and punishment assignment lower than lower limit regardless to committed crime involve a wide judicial discretion. Actual prevailing of individual punishment over criminal responsibility diversification leads to violation of criminal law and responsibility principles. Basing on criminal law theory and practice as long as on foreign legislation, the author suggests reforming criminal law in order to punishment assignment perfection.

**Key words:** Criminal Code of the Republic of Azerbaijan; crime classification; criminal responsibility diversification; sanction construction; punishment assignment perfection.

Процессы глобализации обуславливают в настоящее время стремительную универсализацию уголовного права, в том числе и в Азербайджане. Наглядно она нашла свое применение во многих нормах и положениях действующего УК Азербайджанской Республики 1999 г. [15]. Вместе с тем уголовно-правовая политика каждого государства имеет свои приоритеты и направления, которые отражаются в дифференциации уголовной ответственности и особенностях построения санкций уголовно-правовых норм.

Если охарактеризовать в целом уголовную политику государств с точки зрения соотношения дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, что находит свое формальное выражение в том числе и в построении санкций, то можно выделить три типа государств: 1) уровень дифференциации уголовной ответственности в уголовном законе является настолько высоким, что индивидуализация наказания судом осуществляется в узких рамках, строго определенных законом; 2) дифференциация уголовной ответственности в уголовном законе определяется лишь в общих чертах при достаточно широких полномочиях суда по индивидуализации ответственности и наказания; 3) довольно глубокая дифференциация уголовной ответственности в сочетании с достаточными пределами индивидуализации наказания отражается в построении санкций с широкой амплитудой пределов наказания.

Анализ состояния действующего УК Азербайджанской Республики 1999 г. позволяет отнести ее к третьему типу государств. Если же мы проанализируем предыдущие уголовные законы советского периода, то придем к следующему заключению: в период действия первых двух УК Азербайджанской ССР, 1922 и 1927 гг., бесспорно следовало бы отнести Республику ко второму типу, а УК 1960 г., несмотря на то что уровень дифференциации в нем

был на порядок ниже, чем в УК 1999 г., – скорее к третьему [16–18]. А какой из этих типов все же предпочтителен?

На наш взгляд, к ответу на этот вопрос нельзя подходить абстрактно. Предпочтение тому или иному типу следует отдавать в зависимости от уровня правосознания населения, предопределяемого правовыми традициями и зрелостью гражданского общества. В государствах, относительно недавно вступивших на путь демократии и еще находящихся в процессе построения правового государства, уровень коррупции из-за незрелости гражданского общества продолжает оставаться высоким. И коррумпированность правоохранительных органов в подобных условиях, к сожалению, скорее норма, чем исключение. Поэтому мы считаем, что в таких государствах отправление правосудия лучше осуществлять в строго очерченных узких рамках индивидуализации наказания. Из этого следует вывод, что в Азербайджане (как и в других государствах на постсоветском пространстве) уголовная политика должна идти в направлении дальнейшего углубления дифференциации уголовной ответственности и построения санкций. Особенной части с небольшой амплитудой минимального и максимального пределов наказания.

В подтверждение наших выводов можно привести следующие факты о государствах, в которых индивидуализация наказания превалирует над дифференциацией уголовной ответственности, – Голландии, Швеции, Великобритании, Японии и некоторых других. Например, в Голландии традиционно выбор наказания сильно зависит от судебного усмотрения. Обычно в законе установлен лишь минимум наказания для всех видов преступлений, а максимум указывается в конкретной санкции [19]. Судья же волен назначать наказание в этих пределах, которые иногда имеют разницу в 20 лет. Также вместо уголовного наказания практикуются заменяющие

меры и заключение «сделок» с обвиняемыми, в результате которых наказание может быть значительно смягчено или даже прекращено уголовное дело [14, с. 17]. В отличие от Голландии в ранее действовавшем уголовном законодательстве Швеции (1864 г.) судьи осуществляли индивидуализацию наказания в очень ограниченных пределах. Однако с дальнейшей демократизацией общества в XX в. УК Швеции 1962 г. значительно расширил процесс индивидуализации наказания судом [26]. В Великобритании «британский законодатель все же предоставляет судье такую свободу, как никакой иной законодатель на континенте» [4, с. 150]. Своеобразно и УК Японии: санкции статей Особенной части имеют очень широкую амплитуду пределов наказания, что обуславливается низким уровнем дифференциации уголовной ответственности в Особенной части УК [27]. Это немного напоминает процесс правотворчества при создании первых УК Азербайджанской ССР, когда законодатель абстрактно формировал диспозиции статей, не указывая конкретных отягчающих обстоятельств [17; 18].

В Европе к государствам, в которых проводится политика ограничения судебного усмотрения при назначении наказания, можно отнести Испанию и Италию [20; 21]. И не секрет, что именно они являются более коррумпированными среди европейских стран. Поэтому в них осуществляется более глубокая дифференциация уголовной ответственности и наказания в уголовном законе, что оставляет сравнительно узкие рамки для судебного усмотрения: «Законодатель мало доверяет судье и предпочитает сам градирировать ответственность и максимально формализовать процесс индивидуализации наказания» [4, с. 155]. Конечно, более сбалансированно отношение между дифференциацией уголовной ответственности и индивидуализацией наказания в законодательствах государств, которые мы относим к третьему типу. Это государства, имеющие вековые правовые традиции, – Франция, Германия, а также ряд государств на постсоветском пространстве (РФ, Украина, Казахстан, Азербайджан и др.), которые модернизировали свое уголовное законодательство, взяв пример с современного уголовного законодательства европейских стран.

Следует отметить, что из контекста вышеизложенных правовых систем (укрепление

правового и демократического государства способствует развитию гражданского общества, и, как результат, возрастает доверие к судебной власти, что приводит к расширению рамок судебного усмотрения при назначении наказания) несколько выбивается уголовная политика США. Правовой опыт США в области дифференциации уголовной ответственности и назначения наказания представляет огромный интерес, так как это государство прошло длительный путь экспериментов, начиная с широких полномочий судьи в определении рамок наказуемости и заканчивая строгой дифференциацией уголовной ответственности и наказания, когда процесс назначения наказания практически полностью формализован. Кроме того, американская юстиция традиционно уделяла большее внимание экспериментированию в области назначения наказания за преступления. Так, по оценкам американских правоведов, в конце XX в. в США была осуществлена революционная реформа, существенно изменившая карательную политику государства, которая практически полностью формализовала назначение наказания, чем существенно ограничила судебское усмотрение [5, с. 30]. Дело в том, что в США с конца XIX – начала XX в. стала применяться практика назначения неопределенных приговоров. Уже в 30-х гг. XX в. эта практика стала основной для уголовно-правовых систем как федерации, так и штатов. Разнобой в политике назначения наказания, основанной на широкой его индивидуализации, усиливался в том числе и дуалистическим характером правовой системы США. Как точно выразился американский ученый П. Робинсон, «различия в назначении наказаний – источник большой несправедливости, и эта несправедливость приносит дурную славу системе уголовного правосудия, поскольку такая слава означает, что наказание, которое получает правонарушитель, зависит от судьи, который рассматривает дело, а не от преступления, которое он совершил» [30, с. 151].

Однако с 70-х гг. прошлого века практика назначения неопределенных приговоров в США стала изживаться и начались поиски других новаторских методов назначения наказания. В 1984 г. были приняты Комплексный закон о контроле над преступностью и Закон о реформе системы назначения наказания, а с 1 ноября 1987 г. вступили в силу федеральные руководства по назначению наказаний. Они предусматривают 43 уровня преступлений (в

принятых после распада СССР уголовных законодательствах бывших советских республик максимум четыре категории преступлений), которые представлены в таблицах с санкциями (с подробным разъяснением наказаний по видам) и максимальными и минимальными мерами наказаний за различные составы преступлений. В этих правилах также были подвергнуты градации преступления, совершенные рецидивистами. Следует отметить, что подробная градация преступлений по шкалам была осуществлена исходя из ограниченного числа видов наказания, предусмотренных в США, – смертная казнь, тюремное заключение (лишение свободы), probation (условное осуждение с рядом условий) и штраф [2, с. 12], что, конечно, несравнимо с количеством видов наказаний в УК Азербайджанской Республики 1999 г. (или в УК других государств постсоветского пространства). При этом назначение того или иного наказания в США предопределяется категорией преступления. Так, тюремное заключение назначается в 70 % случаев лицам, совершившим felony, и лишь незначительная часть misdemeanors карается тюремным заключением [29, с. 1020]. Далее суд учитывает различные параметры личности виновного, характеризующие его с разных сторон, – возраст, трудовую деятельность, образование, профессиональный уровень, зависимость от наркотиков, алкоголя, семейное и общественное положение, физическое, умственное и эмоциональное состояние. Шкала уголовных наказаний в США постоянно пересматривается, т.е. федеральные руководства все время изменяются и дополняются новыми составами преступлений (например, киберпреступлениями, увеличением ответственности за террористические преступления и т.п.).

Таким образом, несмотря на то что моделирование назначения наказания в различные времена проводилось во многих странах, тем не менее в XXI в. США – единственное государство, в котором назначение наказания максимально формализовано. Если мы обратим внимание на российское уголовное право, то заметим, что подобные научные изыскания проводились Н.Д. Оранжиреевым еще до установления советской власти – почти 100 лет назад (когда в США еще всюду применялся метод назначения неопределенных приговоров). В книге «Преступление и наказание в математической зависимости» Н.Д. Оранжиреев

ставил вопрос о необходимости увеличения степени формализации уголовного наказания в целях его предсказуемости и справедливости [8]. Фактически он, используя количественные эквиваленты и специальные коэффициенты, предложил применять метод шкалирования при назначении наказания задолго до принятия в США Федерального руководства по назначению наказаний.

С установлением советской власти уголовное законодательство все больше развивалось по пути предоставления широкого судебного усмотрения, а индивидуализация наказания долгие годы превалировала над дифференциацией уголовной ответственности. В советской правовой науке интерес к проблемам дифференциации уголовной ответственности, а следовательно, и к новым моделям назначения наказания стал проявляться с 70-х гг. XX в. Проблемами формализации назначения наказания путем математических методов соизмерения преступления и наказания занимались В.И. Курляндский, В.П. Нажимов, В.Л. Чубарев и др. [3; 6; 28]. Подобные научные исследования проводились и в Азербайджане. В пример можно привести довольно интересную монографию коллектива авторов И.М. Рагимова, Э.Г. Гасанова, Я.С. Абдуллаева и И.А. Джавадовой под красноречивым названием «Преступность и кибернетика» [11].

Однако ни в советское время, ни в процессе разработки и принятия новых уголовных законодательств законодатель не пошел на формализацию назначения уголовного наказания с использованием математических методов строгой градации как обстоятельств совершения преступления, так и особенностей личности преступника. Ни ведущие ученые, ни тем более представители правоохранительных органов не восприняли сложные вычисления. Одно из главных объяснений неприятия передовых идей шкалирования назначения уголовного наказания вообще абсурдно: «Удалившись в совещательную комнату для вынесения приговора, судья должен будет производить сложнейшие математические расчеты. А в таком случае не исключена и возможность арифметической ошибки» [7, с. 48].

Тем не менее по сравнению с законодателем Азербайджанской Республики российский законодатель все же придерживается новаторских позиций в области уголовного права. Так, в 2003–2012 гг. в УК РФ 1996 г. были внесе-



ны прогрессивные изменения и дополнения, связанные с регламентацией института классификации преступлений и дальнейшей дифференциацией уголовной ответственности. В российской науке не остался без внимания и американский метод формализации назначения наказания. Правда, отношение к американскому опыту в РФ тоже неоднозначно. Авторы предлагают и другие решения вопроса дифференциации уголовной ответственности и наказания. Так, довольно интересна «пошаговая» система назначения наказания, предложенная А.А. Арямовым [1, с. 228–230].

К заслугам российской науки уголовного права следует отнести также то, что проблема формализации назначения уголовного наказания периодически выносятся на обсуждение широкой научной публики. Например, 7–8 октября 2004 г. в Москве была проведена международная научно-практическая конференция на тему «Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия». На наш взгляд, само название темы конференции уже является важным доводом в пользу американского метода шкалирования наказания. На этой конференции было проведено много дискуссий, касающихся ограничения усмотрения судей при назначении наказаний. В этой связи представляют научный интерес доклады И.Е. Флейшмана, С.Г. Келиной, А.И. Рарога, Г.Н. Нилус и других ученых и практиков. Например, А.И. Рарог отмечает, что «пределы судейского усмотрения при назначении наказания следует сделать более узкими посредством квантификации (т.е. установления количественных показателей качественных характеристик. – Ш. С.) обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание» [13, с. 83]. А.И. Рарогом и многими другими участниками конференции также поддерживалась мысль о заимствовании положительного американского опыта.

Однако как бы положительно мы ни относились к идее полной формализации назначения уголовного наказания наподобие США, все же должны признать, что для ее применения в Азербайджанской Республике еще не подготовлена как теоретическая, так и практическая база. Например, в США подготовительный процесс занял десятилетия, в течение которых были изучены материалы более 10 тыс. уголовных дел, проведены десятки публичных слушаний, опубликованы проекты для озна-

комления с ними широкой общественности и т.п. А это вряд ли под силу одному ученому-энтузиасту. Поэтому мы полностью согласны с И. Лешо, что процедура подготовки и внедрения шкалы для формализации назначения наказания является трудоемкой и «требует создания специального учреждения, занимающегося аналитической работой по указанной проблематике» [5, с. 32].

Таким образом, сопоставление уголовного законодательства Азербайджана и зарубежных уголовных законов позволяет нам причислить Азербайджан к тому типу стран, где дифференциация уголовной ответственности осуществлена достаточно глубоко, что можно считать одним из его достоинств. Однако острой проблемой в УК 1999 г. следует считать несовершенство института классификации преступлений, в том числе непоследовательную дифференциацию уголовной ответственности в некоторых случаях и рассогласованную систему санкций Особенной части.

Вместе с тем правовые пробелы и несовершенство уголовного законодательства, обусловленные несовершенством регламентации некоторых институтов и норм Общей части и построением санкций с широкой амплитудой пределов наказания в Особенной части УК Азербайджанской Республики, способствуют расширению границ судебного усмотрения и в целом являются условием для коррупционной деятельности недобросовестных сотрудников правоохранительных органов. Полностью соглашаясь с утверждением, что одним из важных условий борьбы с коррупцией является создание справедливой, беспристрастной и независимой судебной системы, следует добавить к нему и более совершенное уголовное законодательство (без правовых пробелов и возможностей коррупционных лазеек).

Вопрос о пределах судейского усмотрения является довольно дискуссионным в науке уголовного права. Проблемам определения рамок судейского усмотрения как в дальнем зарубежье, так и в постсоветском пространстве уделяется все больше внимания. Например, Р. Гудин совершенно справедливо считает, что судейское усмотрение при назначении наказания зависит от многих субъективных факторов: опыта работы, пола, расы, национальности и от того, кем ранее работал судья – прокурором или защитником [31, с. 614]. И.М. Рагимовым высказывается положительное отношение к

расширению рамок судейского усмотрения [12, с. 247–248]. Соглашаясь со многими его доводами, все же считаем, что уровень коррупции в обществе, в том числе и в правоохранительных органах, все еще остается довольно высоким (для этого достаточно обратить внимание на постоянную сменяемость судейского корпуса в Республике), и поэтому тенденция назначения наказания должна больше опираться на законодательную дифференциацию уголовной ответственности и наказания, а не на расширение индивидуализации наказания.

Таким образом, в современных реалиях нашего государства более приемлемой является реформа в области построения уголовно-правовых санкций Особенной части и углубления законодательной дифференциации уголовной ответственности в Общей части с целью дальнейшей формализации назначения наказания. Мы должны констатировать, что институт классификации преступлений по категориям тяжести (ст. 15), выступая как юридико-технический прием при регламентации многих положений Общей части и при определении признаков некоторых преступлений в Особенной части (например, клеветы, недонесении о преступлении и др.), какой-либо положительной роли в построении санкций Особенной части УК не сыграл из-за законодательной неопределенности границ категорий в типовых санкциях. Поэтому реформу уголовного законодательства следует начинать с совершенствования ст. 15 УК Азербайджанской Республики 1999 г.

Следует заметить, что в первоначальной редакции УК Азербайджанской Республики 1999 г. содержание ст. 15 почти полностью совпадало со ст. 15 УК РФ 1996 г., а отличие было лишь в наименованиях статьи и первых двух категорий преступлений. Не секрет, что принятый тремя годами ранее УК РФ на 95 % послужил прообразом УК Азербайджанской Республики. Так, типовые санкции категорий в ст. 15 (с указанием лишь максимального предела наказания) вызывают серьезные возражения в доктрине уголовного права как РФ, так и Азербайджанской Республики. Отметим, что не все государства СНГ пошли по пути РФ в этом вопросе. В качестве положительного примера можно указать на УК Казахстана, УК Узбекистана, УК Беларуси и некоторые другие, в которых границы категорий определены в типовых санкциях с указанием как минимального, так и максимального пределов [22–24].

Ради справедливости отметим, что если вносимые впоследствии законодателем РФ поправки в ст. 15 УК 1996 г. способствовали совершенствованию института классификации преступлений (например, исключение неосторожных преступлений из категории тяжких преступлений и др.), то в Азербайджане, наоборот, лишь дискредитировали данный институт. Так, многочисленные коррективы в УК 1999 г. впервые были внесены законом Азербайджанской Республики от 2 июля 2001 г., в том числе с целью изменения подсудности уголовных дел по некоторым преступлениям были увеличены максимальные границы типовых санкций менее тяжких (с 5 до 7 лет) и тяжких (с 10 до 12 лет) категорий преступлений (ст. 15). Однако, реформировав столь глобально один из основополагающих институтов Общей части, влияющий на многие другие нормы и институты уголовного права, следовало бы пересмотреть и санкции к конкретным деяниям в Особенной части УК, так как именно они формально определяют категорию совершенного деяния. Изменение границ категорий в типовых санкциях ст. 15, осуществленное без ревизии санкций в Особенной части, привело к тому, что характер и степень общественной опасности некоторых деяний не соответствуют той категории, к которой эти деяния относятся в соответствии с конкретной санкцией. Нарушилось соотношение объемов категорий в УК: сузились категории особо тяжких преступлений и расширились категории менее тяжких. Кроме этого, произошло ничем не оправданное смягчение уголовной ответственности за некоторые тяжкие и особо тяжкие преступления, так как определение различных правовых последствий проводится в зависимости от категории совершенного деяния. И соответственно, в целом в Республике искусственно «улучшилась» криминогенная обстановка. К такому выводу мы пришли на основании сопоставления статистической отчетности МВД Азербайджанской Республики за период непосредственно до 1 июля 2001 г. (т.е. до внесенных изменений) и после. Если доля тяжких и особо тяжких преступлений в 1999, 2000 и даже в 2001 г. колебалась в пределах 25,5–32,9 %, то в 2002 г. произошел резкий спад до 9,5 % [10].

Итак, совершенствование построения санкций Особенной части уголовного закона необходимо проводить по следующим направ-

лениям. Санкция конкретной статьи должна укладываться в пределы типовой санкции одной определенной категории. Для успешного осуществления данной задачи прежде всего нужно четко определить в ст. 15 УК минимальные и максимальные границы типовых санкций каждой категории преступлений. В целях углубления дифференциации уголовной ответственности в направлении смягчения уголовной политики государства за наименее опасные деяния и, наоборот, усиления за наиболее опасные следует классифицировать все преступные деяния не на четыре, а на шесть категорий. При дифференциации уголовной ответственности санкции основного, квалифицированного и особо квалифицированного составов преступлений должны быть последовательно сконструированы таким образом, чтобы мера наказания в них не совпадала по размеру и не допускался бы разрыв между минимальным и максимальным размером наказания каждого из последующих уровней дифференциации уголовной ответственности. Построение санкций с указанием лишь максимального предела лишения свободы допустимо только за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Несмотря на то что каждая категория преступлений объединяет в целом однородные по характеру и степени общественной опасности деяния, при необходимости дифференциации уголовной ответственности за деяния внутри одной и той же категории наказание следует варьировать только в пределах типовой санкции. Для ограничения судебного усмотрения и возрастания законодательной дифференциации уголовной ответственности и наказания необходимо ограничить конструирование альтернативных санкций только за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и за особо тяжкие преступления. Исключение можно сделать для менее тяжких преступлений, совершенных по неосторожности. С этой же целью необходимо установить разницу между минимальным и максимальным сроком лишения свободы в санкции не более чем в два – четыре года. При дальнейшей дифференциации уголовной ответственности следует увеличить число обязательных кумулятивных санкций, предусматривающих штраф в качестве дополнительного наказания.

Кроме этого, как мы отмечали, одним из прогрессивных направлений развития азер-

байджанского уголовного права в области назначения наказаний следует признать процесс законодательной формализации наказания, который должен стать предметом исследования азербайджанских ученых в ближайшем будущем. Формализация назначения наказаний в Общей части УК должна быть усилена, чтобы ограничить судебское усмотрение, которое в некоторых случаях приобретает форму судебного произвола и ведет к коррупционным проявлениям при отправлении правосудия. Например, внесенные в УК 1999 г. после вступления его в силу изменения и дополнения, а именно увеличение размера штрафа до 10 тыс. манат (около 400 тыс. р.) в 2008 г. и сроков общественных работ до 840 часов в 2012 г., направлены на расширение применения видов наказания, не связанных с лишением свободы. Однако в большинстве своем штраф и общественные работы законодательно определяются в альтернативе с лишением свободы, поэтому было бы правильным ограничить в данном случае судебское усмотрение введением в Общую часть УК следующей нормы: «В альтернативных санкциях наказание в виде лишения свободы не назначается лицам, совершившим преступление впервые, если в их действиях нет отягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных в ст. 61 УК».

Мнение некоторых авторов о том, что в вопросах отправления правосудия по уголовным делам ввиду отсутствия четких теоретических предписаний по конструированию санкций следует больше полагаться на судебное усмотрение и с этой целью влиять на «правосознание судей, повышая уровень их правовой идеологии, усиливая роль научных взглядов, а это, в свою очередь, будет способствовать реальному восприятию ими объективной действительности» [9, с. 75–76], нам кажется неадекватным в существующих реалиях. На наш взгляд, легче законодательно добиться обоснованного построения санкций, нежели пытаться «целенаправленно воздействовать на правосознание судей, повышая уровень их правовой идеологии», так как изменение правосознания довольно длительный и, скажем честно, призрачный процесс. Вместе с тем ничто так негативно не отражается на формировании общественного сознания у населения о справедливости и целесообразности уголовной политики государства, как судебный произвол. К сожалению, построение санкций с широкой

амплитудой между минимальным и максимальным пределами наказания, большое количество альтернативных санкций с несколькими видами наказаний, а также применение условного осуждения (ст. 70) и назначение наказания ниже минимального предела (ст. 62) без учета категории преступления благоприятствуют судебскому произволу. Относительно действующей редакции ст. 62 достаточно сказать, что ее положения, основанные на широком судебском усмотрении, сводят на нет сам принцип дифференциации уголовной ответственности. Поэтому следовало бы ограничить применение положений ст. 62 к лицам, совершившим тяжкие преступления насильственного характера или особо тяжкие преступления, а также при особо опасном рецидиве преступлений. По нашему мнению, также следовало бы на законодательном уровне ограничить применение условного осуждения (ст. 70) к лицам, виновным в совершении особо тяжких преступлений и тяжких преступлений насильственного характера. Анализ зарубежного законодательства показывает, что в большинстве стран применение условного осуждения носит ограничительный характер. Например, по ст. 80 УК Испании условное осуждение применяется к лицам, совершившим преступление, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет [20].

Применение условного осуждения в судебной практике Азербайджанской Республики довольно распространенное явление. И предосудительного в этом ничего нет. Не осуждаем же мы вынесение оправдательных приговоров, наоборот, только приветствуем. Например, по статистическим данным Министерства юстиции Азербайджанской Республики, в 2010 г. судами было вынесено 34 (0,2 % числа всех осужденных) оправдательных приговоров, в 2011 г. – 35 (0,3 %), а в 2012 г. – 28 (0,2 %). Как видим, процент издержек деятельности органов расследования уголовных дел довольно стабилен. Институт условного осуждения, в отличие от вынесения оправдательных приговоров, гораздо больше распространен в судебной практике Азербайджана. Так, в 2010 г. из 14 312 осужденных судами первой инстанции были условно осуждены на основании ст. 70 УК 1 244 человека (8,7 %), в 2011 г. из 13 488 осужденных – 1 147 (8,5 %), а в 2012 г. из 12 938 осужденных – 1 201 (9,2 %). К сожалению, министерство при этом не выделяет в

статистической отчетности категории и виды преступлений, по которым были вынесены оправдательные приговоры или применено условное осуждение. Косвенно мы это можем узнать из анализа судебной практики судов по тяжким преступлениям. Так, Бакинским судом по тяжким преступлениям, в компетенцию которого входит рассмотрение уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям, в 2010 г. из 2 047 осужденных к 258 (12,6 %) было применено условное осуждение, в 2011 г. из 1 209 осужденных – к 158 (13,1 %), в 2012 г. из 1 197 осужденных – к 173 (14,5 %), за шесть месяцев 2013 г. из 543 осужденных – к 97 (17,8 %). Как видим, процентное отношение числа условно осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений к общему числу условно осужденных несколько выше, и при этом из года в год увеличивается. Если эта тенденция сохранится, то скоро пятая часть всех осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления будет отбывать не реальные, а условные наказания. Как тут не вспомнить слова из известной комедии: «Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире!» Хотя статистических данных о применении судами ст. 62 УК нет, изучение судебной практики показывает, что в большинстве случаев назначение наказания с применением положений ст. 62 приходится также на тяжкие и особо тяжкие преступления (особо суды «снисходительны» в этом вопросе к мошенникам, совершившим хищение в крупном размере).

И в заключение отметим, что при построении санкции в Особенной части превалирование принципа индивидуализации наказания и, следовательно, расширение судебного усмотрения над законодательно определенной дифференциацией уголовной ответственности нарушает не только принцип справедливости уголовного закона, но и конституционное положение о равенстве граждан перед законом и судом. Апеллирование к принципу гуманности при предоставлении широких полномочий суду по индивидуализации наказания считаем необоснованным, так как специфика задач уголовного права предопределяет все же, на наш взгляд, верховенство принципа справедливости. А принцип гуманности в достаточной степени учтен при регламентации многих положений Общей части УК, касающихся как назначения уголовной ответственности и наказания, так и освобождения от них.



## ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арямов А.А. Общетеоретические основы учения об уголовном наказании : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Арямов. – СПб., 2004. – 228 с.
2. Елисеева А.В. Пределы судебного усмотрения / А.В. Елисеева // Российская юстиция. – 2006. – № 6. – С. 10–16.
3. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности / В.И. Курляндский // Основные направления борьбы с преступностью / под ред. И.М. Гальперина, В.И. Курляндского. – М., 1975. – С. 78–82.
4. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М. : НОРМА, 2000. – 390 с.
5. Лешо И. Реформа системы назначения наказания в США / И. Лешо // Советская юстиция. – 1991. – № 4. – С. 27–35.
6. Нажимов В.П. Справедливость наказания – важнейшее условие его эффективности / В.П. Нажимов // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР / Калинингр. ун-т. – Калининград, 1973. – Т. 2.
7. Непомнящая Т.В. Формализация назначения наказания / Т.В. Непомнящая // Уголовное право. – 2006. – № 4. – С. 48–54.
8. Оранжиреев Н.Д. Преступление и наказание в математической зависимости / Н.Д. Оранжиреев. – М. : Типолитограф. т-ва Кушнеров и Ко, 1916. – 69 с.
9. Осипов П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций : (аксиологические аспекты) / П.П. Осипов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 134 с.
10. Официальный сайт МВД Азербайджанской Республики. – Режим доступа: <http://www.mia.gov.az>.
11. Рагимов И.М. Преступность и кибернетика / И.М. Рагимов, Э.Г. Гасанов, Я.С. Абдуллаев, И.А. Джавадова. – Баку : Азернешр, 1995. – 122 с.
12. Рагимов И.М. Преступность и наказание / И.М. Рагимов. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.
13. Рарог А.И. Пределы судебного усмотрения / А.И. Рарог // Шкала уголовных наказаний как способ борьбы с коррупцией в сфере правосудия : материалы междунар. науч.-практ. конф., 7–8 окт. 2004 г. – М. : Изд. Гос. Думы, 2005. – С. 80–90.
14. Тарбагаев А.Н. Система санкций в уголовном праве Голландии и России / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1997. – 80 с.
15. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 г. – Баку : Юрид. лит., 2011. – 304 с.
16. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики 1999 г. с изменениями и дополнениями на 1 сент. 2011 г. – Баку : Юрид. лит., 2011. – 304 с.
17. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1922 г. : изд. офиц. – Баку : Наркомюст, 1927. – 132 с.
18. Уголовный кодекс Азербайджанской ССР 1927 г. – Баку : Азернешр, 1938. – 139 с.
19. Уголовный кодекс Голландии. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.
20. Уголовный кодекс Испании. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 393 с.
21. Уголовный кодекс Италии. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. – 390 с.
22. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 474 с.
23. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 466 с.
24. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 374 с.
25. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : Проспект, 2012. – 208 с.
26. Уголовный кодекс Швеции. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 320 с.
27. Уголовный кодекс Японии. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 226 с.
28. Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание: (количественные методы изучения) / В.Л. Чубарев. – Киев : Киев. филиал ВНИИ МВД СССР, 1982. – 96 с.
29. LaFave W.R. Criminal Procedure / W.R. LaFave, Y.H. Israel, N.J. King, O.S. Kerr // Horn book series. – West publishing CO, 2012. – 1239 p.
30. Robinson P. Reforming the federal criminal code; A top ten list / P. Robinson // Buffalo criminal law review. – 1997. – Vol. 1, № 1. – 251 p.
31. The Oxford Handbook of Law and Politics / ed. by K.E. Whittington, R.D. Kelemen, G.A. Caldeira. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. – 619 p.

## REFERENCES

1. Arjamov A.A. General basis of criminal penalty theory. Dissertation. [Arjamov A.A. Obshcheteoreticheskie osnovy ucheniya ob ugovnom nakazanii: dis. ... kand. jurid. nauk]. Saint-Petersburg, 2004, 228 p.
2. Eliseeva A.V. Limits of judicial discretion [Eliseeva A.V. Predely sudejskogo usmotreniya]. *Rossiiskaja justiciya – Russian Justice*, 2006, № 6, pp. 10–16.
3. Kurljandskij V.I. Criminal policy, classification and individualization of criminal responsibility. Main directions of crime counteraction. Edited by I.M. Gal'perin, V.I. Kurljandsky. [Kurljandskij V.I. Ugolovnaja politika, differenciacija i individualizacija ugovnoj otvetstvennosti. Osnovnye napravlenija bor'by s prestupnost'ju / pod red. I.M. Gal'perina, V.I. Kurljanskogo]. Moscow, 1975, pp. 78–82.
4. Lesnievski-Kostareva T.A. Classification of criminal responsibility. Theory and legislative practice. [Lesnievski-Kostareva T.A. Differenciacija ugovnoj otvetstvennosti. Teorija i zakonodatel'naja praktika]. Moscow, 2000, 390 p.

5. Lesho I. Penalty assignment system reform in the USA. [Lesho I. Reforma sistemy naznachenija nakazaniya v SShA]. *Sovetskaja justiciya – Soviet Justice*, 1991, no. 4, pp. 27–35.
6. Nazhimov V.P. Penalty justice – the most important condition of its effectiveness. [Nazhimov V.P. Spravedlivost' nakazaniya – vazhnejshee uslovie ego jeffektivnosti. Voprosy organizacii suda i osushhestvleniya pravosudija v SSSR. T. 2]. Kaliningrad, 1973.
7. Nepomnjashhaja T.V. Penalty assignment formalization. [Nepomnjashhaja T.V. Formalizacija naznachenija nakazaniya]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2006, no. 4, pp. 48–54.
8. Oranzhireev N.D. Crime and penalty as a mathematical function. [Oranzhireev N.D. Prestuplenie i nakazanie v matematicheskoy zavisimosti]. Moscow, 1916, 69 p.
9. Osipov P.P. Theoretical basis of construction and application of criminal sanctions: (axiological aspects). [Osipov P.P. Teoreticheskie osnovy postroeniya i primeneniya ugolovno-pravovyh sankcij: (aksiologicheskie aspekty)]. Leningrad, 1976, 134 p.
10. Ministry of internal affairs of the Republic of Azerbaijan official site. [Oficial'nyj sajt MVD Azerbajdzhanskoj Respubliki]. Available at: <http://www.mia.gov.az>.
11. Ragimov I.M. Crime and penalty. [Ragimov I.M. Prestupnost' i nakazanie]. Moscow, 2012, 304 p.
12. Ragimov I.M., Gasanov Je.G., Abdullaev Ja.S., Dzhavadova I.A. Crime and cybernetics. [Ragimov I.M., Gasanov Je.G., Abdullaev Ja.S., Dzhavadova I.A. Prestupnost' i kibernetika]. Baku, 1995, 122 p.
13. Rarog A.I. Limits of judicial discretion. Criminal penalty standards as method of counteraction to corruption within legal system. International academic and research conference information package collected papers. 7–8 Oct. 2004. [Rarog A.I. Predely sudejskogo usmotreniya. Shkala ugolovnyh nakazaniy kak sposob bor'by s korrupciej v sfere pravosudija: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 7–8 okt. 2004 g.]. Moscow, 2005, pp. 80–90.
14. Tarbagaev A.N. Sanction system in criminal law of Holland and Russia. [Tarbagaev A.N. Sistema sankcij v ugolovnom prave Gollandii i Rossii]. Krasnojarsk, 1997, 80 p.
15. The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated 1999. [Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki 1999 g.]. Baku, 2011, 304 p.
16. The Criminal Code of the Republic of Azerbaijan dated 1999. [Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki 1999 g. s izmenenijami i dopolnenijami na 1 sentjabrja 2011 g.]. Baku, 2011, 304 p.
17. The Criminal Code of the SSR of Azerbaijan dated 1922. Official edition. [Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj SSR 1922 g.: izd. ofic.]. Baku, 1927, 132 p.
18. The Criminal Code of the SSR of Azerbaijan dated 1927. [Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj SSR 1927 g.]. Baku, 1938, 139 p.
19. The Criminal Code of Holland. [Ugolovnyj kodeks Gollandii]. Saint-Petersburg, 2001, 510 p.
20. The Criminal Code of Spain. [Ugolovnyj kodeks Ispanii]. Saint-Petersburg, 2003, 393 p.
21. The Criminal Code of Italy. [Ugolovnyj kodeks Italii]. Saint-Petersburg, 2000, 390 p.
22. The Criminal Code of the Republic of Belarus. [Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus']. Saint-Petersburg, 2001, 474 p.
23. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. [Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan]. Saint-Petersburg, 2001, 466 p.
24. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. [Ugolovnyj kodeks Respubliki Uzbekistan]. Saint-Petersburg, 2003, 374 p.
25. The Criminal Code of the Russian Federation. [Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii]. Moscow, 2012, 208 p.
26. The Criminal Code of Sweden. [Ugolovnyj kodeks Shvecii]. Saint-Petersburg, 2001, 320 p.
27. The Criminal Code of Japan. [Ugolovnyj kodeks Japonii]. Saint-Petersburg, 2002, 226 p.
28. Chubarev V.L. Social danger of crime and penalty (quantative research methods). [Chubarev V.L. Obshhestvennaja opasnost' prestupleniya i nakazanie: (kolichestvennye metody izucheniya)]. Kiev, 1982, 96 p.
29. LaFave W.R., Israel Y.H., King N.J., Kerr O.S. Criminal Procedure, Horn book series, West publishing CO, 2012, 1239 p.
30. Robinson P. Reforming the federal criminal code; A top ten list. *Buffalo criminal law review*, Vol. 1, 1997, no. 1, 251 p.
31. The Oxford Handbook of Law and Politics. Ed. by K.E. Whittington, R.D. Kelemen, G.A. Caldeira, Oxford, 2008, 619 p.

### Сведения об авторе

Самедова Шахла Тофик-кызы – заместитель декана юридического факультета Бакинского государственного университета, доцент кафедры уголовного права и криминологии, доктор философии по праву, г. Баку, Азербайджанская Республика; e-mail: shahlats@mail.ru.

### Information about author

Samedova Shahla Tofik kzy – Vice-dean of Law Faculty of Baku State University, Associated professor of Chair of Criminal law and Criminology, Doctor of Philosophy and Law, Baku, Azerbaijan Republic; e-mail: shahlats@mail.ru.